

Величко А.М.,
доктор юридических наук

Политико-правовой статус Византийских императоров (историческая и идейная эволюция их полномочий)

«Мы знаем, какой страх внушает злым ваша почтенная власть, и какую заботливость вы оказываете о церковном мире. Посему и молим Бога сохранить надолго вашу власть, которая обычно покровительствует благочестию, царствует над вселенной мирно, судит каждого подданного справедливо, покоряет поднятые руки врагов и заставляет повиноваться вашим скипетрам»

(Из послания Халкидонского Собора императорам Валентиниану III и Маркиану)

«Как глаз прирожден телу, так миру – царь, данный Богом для устройства того, что идет на общую пользу. Ему надлежит печься обо всех людях, как о собственных членах, чтобы они успевали в добром и не терпели зла» (Агапит Диакон, VI в.)

I. Становление императорской власти в Риме

13 января 27 г. до Р.Х., победив конкурентов, диктатор и полководец *Октавиан* (27 г. до Р.Х. – 14 г.) сложил с себя чрезвычайную власть, но сохранил общее управление делами Римского государства. Никакая должность по римскому праву не предусматривала таких полномочий, и тогда Октавиан принял титул *«император»*, или неофициально *princeps* («первый среди равных», «человек выдающихся нравственных качеств»), должный, по его мнению, легитимировать новое положение дел. Так рождалась императорская власть. А 29 мая 1453 г. во время осады Константинополя погиб последний самодержец Священной Римской (Византийской) империи *св. Константин XI Палеолог* (1448-1453). С их именами связаны начало и окончание целой исторической эпохи развития человечества, полутора тысячелетней *эры римского монархизма*, под нежной и заботливой опекой которого зарождалось и распространялось по миру христианство.

Было бы совершенно неверным полагать, будто императорская власть образовалась искусственно, исключительно в силу неумных амбиций отдельных римских вождей, силой и репрессиями похоронивших вековые республиканские традиции. Нет, объективные обстоятельства вели Рим к единоличному правлению. Действовавшая на тот момент система власти, основанная на принципе коллегиальности и высокой политической активности римских граждан, уже не обеспечивала мир в государстве. Республика могла существовать до тех пор, пока ее территория

ограничивалась относительно небольшой по площади Италией. Но для государства, широко раскинувшегося вокруг «римской лужи», Средиземного моря, требовалась фигура стоящегося *над всеми* единоличного правителя, который бы мог обеспечить справедливость и законность.

Переход от республики к Империи был далеко не случаен. Еще до Октавиана Рим познал *Мария* (157-86 гг. до Р.Х.) и *Суллу* (138-78 гг. до Р.Х.), *Цезаря* (100-44 гг. до Р.Х.) и *Помпея* (106-48 гг. до Р.Х.), *Красса* (115-53 гг. до Р.Х.) и *Антония* (83-30 гг. до Р.Х.), откровенно претендующих на единоличную власть. И, что симптоматично, население, не говоря уже об армии, в целом было на стороне этих узурпаторов. Даже позднее, при тирании отдельных принцепсов, как это было, например, в годы правления императора *Калигулы* (37-41) – ужаса сената и аристократии, никто не думал о возврате к республиканским временам. Всем было очевидно, что та эпоха безвозвратно канула в Лету.

Хрестоматийно звучат слова императора *Гальба* (68-69), произнесенные им в день усыновления молодого аристократа Пизона, в котором он желал видеть своего будущего преемника: «Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранить равновесие без направляющего его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению. Однако мы издавна уже вынуждены идти по другому пути»¹. Или, как лаконично высказался один историк, «без единовластной воли верховного правителя Римская империя неизбежно бы распалась»².

Итак, верховная, императорская власть была установлена. Но взять власть в Римском государстве – полдела. Перед Октавианом и его преемниками встал весьма актуальный вопрос: какова должна быть их *правоспособность*, т.е. какими правами и обязанностями они должны быть наделены. Право было для римлян объектом поклонения, а потому представить себе, что некий правитель Римского государства, тем более такой герой, как Октавиан, мог действовать вне сферы правового регулирования, было совершенно невозможно. Но никакого заранее составленного плана или теоретической доктрины на этот счет не было; более того, можно с уверенностью сказать, что никто из числа первых Римских императоров и их современников не мог предугадать, какое содержание в скором времени получит единодержавная власть. Справедливо замечают, что все ассоциации, которые вызывает у нас слово «император», были для Октавиана совершенно чужды. Он несказанно удивился бы, увидев своих преемников через несколько десятков лет, не говоря уже о более позднем времени³.

Все происходило эмпирическим путем проб и ошибок, зачастую вообще без какого-либо философского осмысления событий, и лишь гораздо позднее

¹ *Тацит Корнелий*. История// Сочинения. В 2 т. Т.2. М., 1993. Книга 1 (16). С.12.

² *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2 т. Т.1. СПб., 2000. С.123.

³ *Бейкер Джордж*. Август, первый император Рима. М., 2010. С.264-267

при помощи новой путеводной звезды - христианского вероучения. Не случайно, первые императоры Рима то принимают на себя отдельные полномочия, то отказываются от них по субъективным соображениям. Например, Октавиан принял от сената титул *pater patriae* («отец семейства»), но категорически отказался от *dominus* («господин»). А император *Септимий Север* (193–211) в 199 г. вернул этот титул и, более того, наградил свою жену, Эмессу Юлию Домну, званием *mater castrorum* («мать лагерей»)⁴.

Замечательно также, что, не находя привычных аналогий в списке республиканских должностей, императоры нередко шли по пути принятия крайне неопределенных титулатур, должных, тем не менее, подчеркнуть их особый статус. Это никоим образом нельзя отнести к фантазиям дорвавшихся до власти нуворишей или необразованных солдат. Просто носители императорского венца и их современники пытались в чувственно-неопределенных выражениях передать то главное и пока еще непонятное, что несла в себе идея императорства Священной Римской империи. Этого государства-Эйкумены, объяввшего собой весь цивилизованный мир.

Так, императора Калигулу величали «сыном лагерей», «отцом войска», «цезарем благим и величайшим», и однажды едва не нарекли царем⁵. Неудовлетворенный старыми величаниями, не адекватными величию его власти, император *Домициан* (81-96) велел прибавить к своей титулатуре *dominus et dues* («господин и бог»). А император *Траян* (98-117) добавил термин *optimus* («наилучший»)⁶. В последующем, эта традиция прибавлять к имени императора несвойственные рациональному римскому уму «неправовые» титулатуры получила широкое распространение – соответствующие примеры ждут нас впереди.

Но чтобы императорская власть смогла стать не только правовым и легитимным политическим институтом, но и по-настоящему единоличной, верховной, ей пришлось пройти длинную дорогу исканий. Как мы увидим, формирование статуса Римских (Византийских) императоров происходило в течение многих столетий и шло несколькими путями, иногда пересекавшимися друг с другом, а иногда – дополнявшими. В первую очередь, путем *восстановления* прерогатив древних Римских царей. Затем, в форме *присоединения* императорами к своим полномочиям компетенцию республиканских органов власти. И, наконец, посредством *открытия* в природе императорской власти тех полномочий, которые ранее были просто не актуальны в республиканский период. В этом отношении христианский период существования Римской (Византийской) империи представляет собой особое явление.

⁴Князький И.О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб., 2010. С. 26, 27.

⁵Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Калигула. Книга 22. М., 1988. С. 150.

⁶Кравчук Александр. Галерея Римских императоров. Принципат. М., 2009. С.205, 239.

II. Императорский статус в дохристианский период

В силу беспрецедентности императорской власти уже перед Октавианом встала проблема подстроить правовые и политические основы Римской республики под новые веяния. Он не желал быть ни царем, имея к этому титулу устойчивое предубеждение, ни диктатором, поскольку диктаторство по римскому закону являлось *чрезвычайной* должностью. Кроме того, и сам Октавиан, и многие его преемники сохранили убеждение в том, что источником власти в государстве является римский народ и сенат, действующий от его имени. Древний летописец сохранил для нас выступление императора *Тиберия* (14-37) в сенате, где звучали такие слова: «Я не раз говорил и повторяю, отцы сенаторы, что добрый и благодетельный правитель, обязанный вам столь обширной и полной властью, должен быть всегда слугой сенату, порой – всему народу, а подчас – и отдельным гражданам»⁷.

Это обстоятельство налагало своего рода внутреннее ограничение на носителя императорского титула в части формирования им своей правоспособности. Тем не менее, надо сказать, способ легитимации своего статуса, изобретенный Октавианом, был довольно прост и не лишен изящества. Он соединил воедино полномочия некоторых высших органов власти в Римском государстве, добавил к ним полномочия древних царей и все вместе отнес к ведению императорской власти. Это оказалось совершенно приемлемо для современников и соответствовало их представлениям об императорстве.

Вообще, следует заметить, что термин «император» имел древнее происхождение. Высшие полномочия в Риме издавна назывались *империумом* (*imperium*), и этот термин олицетворял собой верховную административную, судебную и военную власть. Римляне различали два вида *imperium*. Военный империум (*imperium militiae*) предполагал у его носителя широчайшие властные полномочия на расстоянии одной мили от Рима. Как считалось, здесь каждый римский гражданин потенциально мог оказаться на вражеской территории, а потому как бы находился на военном положении. Гражданский империум (*imperium domi*) предоставлялся высшим чиновникам системы городской власти. Претендуя на *imperium*, Октавиан тем самым недвусмысленно показывал, что хотя его полномочия еще неопределенны, но верховная власть в государстве отныне ассоциируется исключительно с его личностью, как императора⁸.

Некоторые полномочия императоров копировали прерогативы Римских царей, но где еще единоличная власть могла искать аналогов, как не в царской власти древнего Рима? А именно цари в прежние века сосредотачивали всю верховную власть в своих руках, включая командование

⁷Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий. Книга 30. С.119.

⁸Иванов А.А. Римское право. М., 2008.

армией, блюстительство внутреннего порядка, совершение общественных жертвоприношений, право суда и отправление наказания.

Позднее, когда царская власть пала, эти полномочия были переданы *сенату (lectio senatus)*, как органу, от имени всего римского народа осуществляющего некоторые высшие государственные функции. В его компетенцию входили также некоторые вопросы религии и культа, предоставление должностным лицам государства чрезвычайных полномочий, высшее управление финансами, общее управление провинциями, назначение диктатора, международные отношения и принятие высших мер общественной безопасности. Эти полномочия со временем расширились, поскольку *народные собрания* – высший законодательный орган власти Рима, хирели и приходили в упадок⁹.

Другие царские функции были переданы специально созданным *высшим магистратурам*¹⁰. Во главе магистратур располагались два *консула*, избиравшиеся народом. Они командовали войском, созывали народное собрание, отправляли правосудие, приносили от имени народа жертвы и наблюдали ауспиции (*auspicia*). Строго говоря, консулы и являлись «*миницарями*», даже внешние знаки их отличия были скопированы с царских. Консулы избирались сроком на 1 год, после чего складывали свои полномочия. Для помощи консулам была введена специальная должность *проконсула* с широкими полномочиями¹¹.

Очень почетные обязанности исполняли два *цензора (censoris)* из числа бывших консулов, которых назначали сроком на 18 месяцев. В их компетенцию входили: надзор за состоянием нравственного облика римских граждан, проведение переписи гражданского населения, оценка имущественного состояния граждан и распределение их по центуриям и трибам, составление сенаторского списка, надзор за возведением храмов и содержанием кладбищ, управление государственными финансами¹². Кроме того, в ведении цензоров находились все судебные споры, связанные с казной, передача в аренду государственных земель, сдача на откуп государственных налогов, заведование постройкой государственных зданий и наложение на виновных лиц особых взысканий.

В систему высших магистратур с 367 г. до Р.Х. вошли также *преторы (praetor)*, которые считались младшими коллегами консула. Их первая задача заключалась в обеспечении внутреннего гражданского порядка в

⁹ Покровский И.А. История римского права. СПб., 1915. С. 29, 95, 96.

¹⁰ Хвостов В.М. История римского права. М., 1908. С.23.

¹¹ Сокольский В. Пособие по изучению истории римского права. Ярославль, 1877. С.45.

¹² Савиньи Фридрих Карл фон. Система современного римского права. В 2 т. Т.2. М.-Одесса, 2012. С.113.

государстве¹³. Впоследствии из полицейских функций претора органично возникло право осуществлять судебные полномочия, совершенно выведенные из консульской власти. Все правосудие вершили два специальных претора: один из них разбирал споры между иностранными гражданами, другой – между римскими (*praetor peregrinus* и *praetor urbanus*)¹⁴.

Поскольку ни один закон не является совершенным, систематически возникала необходимость уточнить правоприменение того или иного правового акта, что и делали преторы. Когда количество однотипных жалоб становилось большим, решения преторов объявлялись в форме выставленных на всеобщее обозрение *эдиктов*. Со временем образовалась некоторая совокупность преторских решение, получившая наименование *edictum tralaticium*¹⁵.

Под конец республиканского строя народные собрания практически утратили свое значение, а потому эдикты преторов по вопросам правоприменения приобрели значение основных источников законов. Кроме них правосудие осуществляли еще и *курульские эдилы*, основной задачей которых являлось обеспечение чистоты города и публичных мероприятий, для чего они имели право рассматривать административные и небольшие уголовные дела, а в провинциях – их правители. Вся совокупность норм, выработанных практикой преторов (*jus praetorium*) и практикой эдилов (*jus aedilicium*) составила *jus honorarium*¹⁶.

Помимо ординарных высших магистратур была установлена должность *диктатора*, которому на 6 месяцев предоставляли неограниченную власть. В 453 г. до Р.Х., по требованию плебеев была учреждена должность *народного трибуна*; их число не оставалось неизменным и постепенно увеличилось от 2 до 10¹⁷. Хотя трибуны и не относились к магистратурам и не имели *imperium*, они обладали широкими полномочиями, включая право наложения *veto* на решения консулов и постановления сената, а также неприкосновенности своей личности¹⁸.

Теперь некоторые царские полномочия возвращались к их истинному владельцу, но не сразу, а постепенно. Сам Октавиан в основном довольствовался республиканскими титулами. Поскольку он не мог оставаться бессрочным консулом, не подвергая ревизии старые римские традиции, то отказался от консульства и принял пожизненную трибунскую

¹³Покровский И.А. История римского права. С106, 107.

¹⁴Хвостов В.М. История римского права. С.52, 53.

¹⁵Покровский И.А. История римского права. С.126, 127.

¹⁶Сокольский В. Пособие по изучению истории римского права. С.99.

¹⁷Ливий Тит. История Рима от основания города. В 3 т. Т.1. М., 1989. Книга II, 33. С.89, 90.

¹⁸Сокольский В. Пособие по изучению истории римского права. С.51.

власть. Это очень понравилось народу и армии, не любившим аристократию. А чтобы закрыть образовавшуюся лауну в его власти, Октавиан восстановил старое право трибунов иметь под своей рукой вооруженные формирования. Тем самым он фактически сравнялся с консулами, которые командовали армией. Первоначально вся власть Октавиана Августа основывалась на двух столпах: верховном командовании в силу *imperium* и звании народного трибуна, обеспечившего ему личную неприкосновенность. Само собой, император являлся верховным главнокомандующим, и армия всецело подчинялась исключительно ему. Чуть позднее, как мы вскоре увидим, он расширил свои полномочия за счет бывших царских прерогатив.

Следовавшие за Октавианом императоры также прилагали большие усилия по конкретизации своей власти. В частности, как верховный главнокомандующий, император быстро получил право контроля над провинциями, где квартировали римские войска («*provinciae Caesaris*»). Остальные провинции пока остались под контролем сената («*provinciae Senatus*»). Для руководства «своими» провинциями императоры учредили собственные провинциальные администрации. Но параллелизма власти был столь неестественен для Рима, что при *Траяне* (98-117) император стал главным контролером за положением дел во всех провинциях без исключения, изъяс, соответственно, эти полномочия у сената¹⁹.

Затем императоры приобрели право решать вопросы о войне и мире, также ранее находившееся в ведении сената. Дарование отдельным лицам статуса римского гражданина тоже перешло к его компетенции. Со временем образовалась законодательная власть императора и его право высшего уголовного и гражданского суда²⁰.

Личная неприкосновенность императора, как народного трибуна, располагалась очень близко от *диспенсации* - освобождения лица от действия закона. Очевидно, что в противном случае сенат мог принять какой-нибудь правовой акт, фактически лишавший правителя Рима неприкосновенности. И действительно, при императоре *Домициане* (81–96) сенат признал за царской властью это право²¹.

Начиная с Октавиана, резкому изменению подверглась сама иерархия правовых актов. Во времена республики законодательство делилось на следующие группы актов: *leges*, как закон, принятый всем римским народом, *senatus consulta* - сенатские постановления и *jus honorarium* –прецедентное право, выработанное магистратурами. При Октавиане постановления императора были уравнены с *leges* сената, т.е. с законами в буквальном смысле слова. А позднее монопольное значение получили императорские

¹⁹Гримм Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. В 2 т. Т.2. СПб., 1901. С.296, 297.

²⁰Хвостов В.М. История римского права. С. 171, 172.

²¹Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 130.

constitutiones, делящиеся на 4 группы: *edicta* – общие законоположения императоров, *mandata* – инструкции должностным лицам, *decreta* – решения императора как верховного судьи государства, и *epistolae* – ответы и пояснения по вопросам спорных пунктов права²².

Однако постепенно различия между ними сгладились, и при императоре *Адриане* (117-138) всем императорским постановлениям начали приписывать силу «как бы закона» (*legis vicem*), выводя их значение из того правового акта (*lex imperio*), которым каждому императору вручается власть²³.

Легко заметить, что законотворческая правоспособность императора возникла на основе полномочий прежних магистратур. Например, эдикты императора есть не что иное, как прообраз эдиктов преторов, чьи функции он на себя принял вместе с судебной властью. Впрочем, между ними очень быстро начало проявляться и серьезное различие: если в эдиктах магистратов определялись общие правила поведения для наиболее эффективного исполнения своей должности, то в эдикте императора устанавливались обладающие обязательной юридической силой общие правовые нормы²⁴.

Удивительно, но даже теперь, после присоединения к титулу императора республиканских должностей, его власть никоим образом не являлась абсолютной. Республиканские магистратуры еще долгое время сохраняли свои полномочия, и бывали случаи, когда отдельные граждане *жаловались* консулам *на императора* (!)²⁵. Впрочем, так было только в самом начале императорской эпохи. Чем дальше, тем больше и больше в их руках сосредоточивается вся полнота власти. Императорская компетенция расширялась по мере убывания правоспособности сената и республиканских органов управления Империи.

До нас дошло чрезвычайно любопытное решение римского сената при *Веспасиане* (69-79), напрямую описывающее императорскую правоспособность.

«Пусть он имеет право заключать договор, с кем он хочет, как до него божественный Август, Тиберий Юлий Цезарь Август и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик (предшественники Веспасиана. – *А.В.*);

И пусть он имеет право созывать сенат, делать доклады, откладывать дела, и предлагать сенату постановить решение после обсуждения или простым голосованием как до него божественный Август, Тиберий Юлий Цезарь Август и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик;

И пусть, если по его воле, авторитету или приказу, поручению или в его присутствии произойдет сенатское заседание, порядок всех дел будет и

²²Сокольский В. Пособие по изучению истории римского права. С.127.

²³Покровский И.А. История римского права. С198, 199.

²⁴Сильверстова Е.В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V – X вв. н.э. М., 2007. С.29.

²⁵Князький И.О. Тиберий: третий цезарь, второй август... СПб., 2012. С.250.

сохранится такой же, как если бы сенат собрался или был созван на общем законном основании;

И пусть те, коих он коммендирует сенату и народу римскому, когда они будут искать магистратуру, полномочия, власть или поручения, и коим дает и обещает свою поддержку, будут приняты во внимание, т.е. избраны избирательным собранием вне обычного порядка;

И пусть он будет иметь право и власть делать и совершать все, что он сочтет нужным в интересах государства, божественных и частных дел, как имели на то право божественный Август, Тиберий Юлий Цезарь Август и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик;

И пусть он не будет связан теми законами или плебесцитами, в коих было сказано, что ими не связываются ни божественный Август, Тиберий Юлий Цезарь Август и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик;

И пусть император Цезарь Веспасиан Август имеет право совершать все то, что на основании какого-либо закона должны были совершить божественный Август, Тиберий Юлий Цезарь Август и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик;

И пусть все, что сделано, совершено, решено или приказано императором Цезарем Веспасианом Августом или кем-либо иным по его приказанию или поручению, будет также законно и обязательно, как если бы все это сделано по приказанию народа или плебса;

И пусть он не будет обязан дать народу объяснений, пусть никто не позволит разбирать какое-либо дело в отношении него перед собой»²⁶.

Этот документ примечателен по двум причинам. Во-первых, в сенатском решении отчетливо прослеживается ссылка на *правовой обычай*, сформировавшийся при предшественниках Веспасиана на императорском троне, и породивший уже конкретный *правовой акт*, сенатское постановление. И, во-вторых, тем, что об обычных правомочиях принцепса, как, например, военной, судебной, административной власти, управлении провинциями, уже просто не говорится. Следовательно, они более не являются предметом обсуждений и считаются *неотъемлемой прерогативой* императорского статуса. Как небезосновательно полагают, именно Веспасиан соединил все мозаичные полномочия прежних императоров воедино, присовокупив к ним еще несколько важных функций.

Но концентрация высших полномочий неизбежно приводила к конфронтации императоров с сенатом. А потому перед принцепсами встала очередная задача доказать, что сенат не является источником их власти. Решение этой задачи позволяло им, кроме того, обеспечить действенный контроль над самим сенатом.

Очень важные последствия в этом отношении имел факт приобретения императорами цензорского достоинства. Отныне они перестали связывать себя (пусть даже формально) с народным суверенитетом. До этого принцепс

²⁶Гримм Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т.2. С. 94-96.

считался законным представителем народа, а потому его возведение на престол обуславливали решением народного собрания. Поскольку же эта акция едва ли могла в действительности иметь место вследствие многочисленности римских граждан, его функции выполнял сенат. Но теперь, используя статус цензора, который неоднократно присваивал себе, император изменял состав самого сената. Веспасиан так и поступил, добавив к древним римским родам еще 1 тыс. новых выдающихся провинциалов.

Полномочия цензора были столь значимыми, что император, приобретший данный статус, превращал сенат из органа-носителя государственного суверенитета в подобие государственного совета²⁷. При императоре Домициане титул цензора стал пожизненным, и принципат окончательно сделался монархией. Контролируя состав сената, удаляя по своему желанию оттуда конкретных лиц, Домициан совершенно лишил этот орган полномочий избирать императора. Согласимся, с правовой точки зрения это было бы совершенно алогично²⁸.

Большое значение в части обособления императора от сената и подчинения его своей власти имели изменения в части распоряжения государственными средствами. В римском праве государственная казна издавна получила название *эрарум* (*aerarium Saturni*). Но в императорский период наряду с *эрарум* появился *фиск*, куда поступали доходы с налогов, введенных императорами. Фиск считался частным имуществом императора, как первого лица римского народа, в то время как распорядителем *эрарум* признавался сенат. Хотя фискальное имущество и считалось частным, император был обязан употреблять его исключительно на государственные нужды.

С течением времени, когда многие общегосударственные расходы централизовались, прежнее деление государственных средств по источникам доходов на сенатские и императорские утратило свой смысл. Теперь все объединилось в руках императора в виде фиска, собственником которого он стал²⁹. Более того, императорский престол приобрел статус постоянного юридического лица, учреждения (юридическим лицом считалось и само Римское государство), субъектом которого являлся правящий император как физическая личность. Это обстоятельство напрямую повлияло на финансовую правоспособность императоров³⁰.

При императоре *Севере* (193-211) состоялось чрезвычайно важное для статуса самодержца обособление фискального имущества от императорского коронного и от императорского частного имущества. Отныне принципс

²⁷Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV-LXXX. СПб., 2011. Книга LXVII (3). С.65.

²⁸Гримм Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т.2. С.145.

²⁹Там же. Т.2. С.189-191.

³⁰Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С.194.

становится распорядителем трех видов имущества: коронного, фискального и частного, которым он распоряжается в пользу своих детей и родственников. Привилегии, которые ранее предоставлялись казне, были перенесены на частное имущества императора и даже частное имущество императрицы – верный признак того, что эти привилегии коренились в природе суверенитета, носителем которого являлись император и императрица. В этом отношении все три вида имущества – коронное, фискальное и частное имели привилегированное положение, как имущество, распорядителем которого является монарх³¹.

Этот момент был очень важен. В силу слияние личного имущества императора и казны Римского государства, последнее с правовой точки зрения исчезает как юридическое лицо, и вся его правоспособность растворяется в личности императора³².

После этого император становится консулом, народным трибуном, претором, цензором и законодателем одновременно, именуется себя «цезарем, благочестивым, счастливым августом», как *Макрин* (217-218), нисколько не спрашивая об этом у сената³³.

Но это еще не все. Объединение в руках императора полномочий республиканских магистратур шло рука об руку с процессом *сакрализации* императорского статуса. Это больше, чем все остальное вместе взятое, сблизило императорский статус с царским. Верховным жрецом римского народа, *pontifex maximus*, признавался уже легендарный Римский царь *Нума Помпилий* (715-673/672 гг. до Р.Х.)³⁴. Но, желая ни в чем не зависеть от царей, римляне после изгнания *Тарквиния Гордого* (534-509 до Р.Х.) учредили должность *rex sacrorum* («священный царь», «царь священнодействий»), которой передали царские правомочия. А для некоторых священнодействий, ранее совершавшихся исключительно царями, даже была введена специальная должность *rex sacrificulus* («царь-жертвователь»)³⁵.

И вот теперь эпитет «Август», взятый Октавианом, напоминал всем римлянам о легендарном *Ромуле* (753-716 гг. до Р.Х.), основателе Рима, «*augusto augurio*», введенном в сонм богов. Таким образом, Октавиан признавался вторым основателем Рима – как говорят, ему даже предлагали

³¹ Там же. С.192-194.

³² *Покровский И.А.* История римского права. С.325.

³³ *Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV-LXXX. Книга LXXX (2). С.345.

³⁴ *Ливий Тит.* История Рима от основания города. Т.1. Книга 1, 20. С.27, Книга 4, 4.1. С. 181.

³⁵ *Энман А.* Легенда о Римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896. С.124 126, 127, 142.

принять имя «Ромул», но он отказался³⁶. Легко понять, почему в 12 г. до Р.Х. Октавиан отверг половинчатые решения и стал *pontifex maximus*³⁷.

В дальнейшем процесс сакрализации и даже обожествления императоров развивался легко и естественно. Уже Калигула требовал именовать себя богом, и сенат послушно назвал его «Юпитером Латинским»³⁸. А затем традиция причислять императоров после смерти к сонму богов становится совершенно привычной для римлян. Теперь император не только приобрел контроль над общественными нравами, но и статус его стал *священным*.

С течением времени император все больше отождествляется с Римом и римским народом. А его честь и достоинство тщательно оберегались законом «Об оскорблении величия», на основании которого сотни аристократов в разное время приняли смерть, как лица, покусившиеся на власть принцепса, Примечательно, между тем, что этот закон был принят еще в республиканскую эпоху, в 104 г. до Р.Х. Как говорят, автором его являлся народный трибун Апулей Сатурнин, предложивший применять его к неспособным полководцам, нанесящим урон чести и могуществу римского народа и Рима. При Октавиане этот закон был переименован в «*Lex Iulia maiestate*» и обращен против лица, поднявшего руку на императора, как представителя всего римского народа³⁹.

Справедливо замечают, что Римский император – не восточный деспот, он - *верховное должностное лицо* Империи. Императорская власть рассматривалась современниками не как личная привилегия, а как долг и служение. «Император как бы олицетворял собой Империю, и потому власть императора, равно как и его особа, были одинаково священны и представляли собой предмет религиозного почитания. В императоре получило свое воплощение величие государства. Он был не хозяином государства, а его первым слугой; служение государству было его долгом.

Поэтому, соответственно своему высокому положению, он должен был вести жизнь, не похожую на жизнь обыкновенных смертных, и при этом соблюдать величайшую скромность и умеренность. Его личное состояние растворилось в государственном. Все, что принадлежало императору, принадлежало и государству; все, что принадлежало государству, принадлежало также и императору»⁴⁰.

Вековая вражда патрициев с плебеями не внушала гражданам доверия к республиканскому строю. Напротив, убеждение, что только император может

³⁶Межерицкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.-Калуга, 1994. С.179, 180.

³⁷Кравчук Александр. Галерея Римских императоров. Принципат. С.29.

³⁸Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Калигула. Книга 20. С.150.

³⁹Князький И.О. Тиберий: третий цезарь, второй август... С.267, 268.

⁴⁰Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т.1. С.124.

стать гарантом справедливости и стабильности, было чрезвычайно распространено в римском народе. Приведем один характерный эпизод. Как рассказывают, некогда одна римлянка просила у императора *Адриана* справедливого суда, но тот, проходя мимо, обронил, что ему некогда. «Тогда не будь императором!» - воскликнула женщина. Правитель повернулся и принял ее жалобу⁴¹.

Конечно, далеко не все Римские императоры исповедовали эти замечательные принципы. Но накануне появления христианства общественное сознание создало именно такой идеальный образ Римского императора. И это обстоятельство наложит особую нравственную ответственность на первых императоров *христианского* Рима.

III. Статус Византийских императоров, христианская эпоха

Так в целом выглядел процесс формирования императорского статуса в дохристианскую эпоху. Нельзя, однако, сказать, что компетенция императора выглядела законченным правовым сооружением. Рим, хотя *уже* и Империя фактически, не был *еще* Империя духовно; ему пока не хватало историософического понимания своей роли, осознания себя как единственной державы и цивилизационной силы. Идея Вселенской империи понималась римлянами чрезвычайно усеченно и просто; ее глубина, само предназначение Рима, избранного Господом для осуществления высокой цели – собрать все человечество в одну семью, единую Кафолическую Церковь, не были доступны еще римскому сознанию. В римской территориальной экспансии по-прежнему довлело право силы, желание распространить свою власть до горизонта.

В последние десятилетия язычества и в начале христианской эпохи римское общество продолжало уточнять объем правоспособности императора, и, надо сказать, небезуспешно. Многие высшие римские магистратуры или решительно изменили свой статус, или вообще исчезли. А с создания в 330 г. Константинополя и переезда в новую столицу императора существенные метаморфозы претерпело сенаторское сословие, ранее целиком и полностью состоявшее из родовой аристократии. При *св. Константине Великом* (306-337) *патрикиями* (греческая вариация латинского слова «патриций») начали становиться люди, своей добросовестной службой заслужившие милость и доверие императора. Получив ту или иную должность в высших эшелонах власти, они входили в круг патрикиев; причем, как правило, преимущества отдавалось гражданским чиновникам, а не военным. Наделение этим титулом, разумеется, находилось всецело в компетенции императора.

Патрикиат котировался настолько высоко, что император *Зенон* (474-475, 476-491) в одном из своих законов прямо установил, что «не будет позволено, чтобы кто-либо достиг великой почести патрикиата, которая превосходит все

⁴¹*Кассий Дион Коккейан*. Римская история. Книги LXIV-LXXX. Книга LXIX (6). С.128.

стальные, если ранее он не обладал почестью консула или не отправлял должность префекта Константинополя, магистра милитум или магистра оффиций. Только этим лицам, которые отправляют эти должности, сейчас или впредь, дозволяется получать титул патрикия»⁴².

Как следствие, изменились и полномочия самого сената. Он уже перестал быть органом, олицетворявшим народный суверенитет (эти полномочия отошли к императору), но по-прежнему являлся важной легитимирующей силой, органом, придававшим законность самым важным решениям. Сенат уже не избирал императора, но очень часто именно его постановление являлось основанием начала нового правления. Ему же 62 новеллой императора св. Юстиниана Великого (527-565) были переданы функции высшей апелляционной судебной инстанции.

В тех случаях, когда император умирал, не оставив наследника, именно сенат нередко подбирал преемника и играл роль народного глашатая, объявлявшего армии его имя. Вместе с тем, сенат совершенно выпал из числа фрондеров императорской власти, как это было в период ранней Империи, и стал относиться к числу наиболее доверенных органов, главным образом, не законодательного, а *совещательного*⁴³.

Менялась и система государственного управления, и титулатура императора. Те полномочия, которые раньше закреплялись за ним путем механического присоединения титулу других титулов, становятся уже неотъемлемыми прерогативами самого правителя. Так, например, в III в. исчез титул народного трибуна, чьи полномочия давно уже стали ординарными для императорской титулатуры. Утратил свое значение и титул цензора, поскольку император, как верховный блюститель нравов и *pontifex maximus* начал осуществлять общее руководство делами, связанными с общественной нравственностью и религией.

Но хотя императоры более не нуждались в титулах «консул», «претор» и т.п., как это было раньше, тем не менее, некоторые из них сохранились еще на какое-то время в силу здорового консерватизма римлян. В 322 г. император св. Константин Великий даже издал закон, в силу которого любой правовой акт не имеет юридической силы без указания даты его принятия и имени консула, в чье консульство он принят⁴⁴.

Однако в массе своей римские магистратуры стали титулами, которыми императоры *поощряли* аристократов или варварских вождей. Но нередко, желая продемонстрировать всю полноту власти, сами императоры принимали титул консула. В какой-то момент времени консульство даже становится императорским по преимуществу, что легко подтверждается статистикой.

⁴²Чекалова А.А. У истоков византийской государственности: сенат и senatorская аристократия Константинополя. М., 2007. С.112.

⁴³Там же. С.183-185, 203.

⁴⁴Сильверстова Е.В. Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V – X вв. н.э. С.47.

Подсчитано, что в период с IV по VI вв. насчитывалось 145 консулов, из которых 75 являлись непосредственно императоры и члены их семей. Показательно, что из числа остальных консулов этого периода лишь 24 являлись военными лицами, а 32 консула относились к гражданским чиновникам. Вместе с тем, *содержательно*, консульство резко обесценилось и стало своего рода церемониальным обрядом при вступлении императора на престол⁴⁵.

В 541 г., в силу естественной девальвации консульского звания, св. Юстиниан Великий решил вообще упразднить этот титул. Правда, при императоре *Юстине II* (565- 574) институт консульства был неожиданно восстановлен, но он уже утратил свое прежнее значение. Иногда к консульству прибегали в качестве тактического средства. В частности, после смерти своего отца в силу крайних обстоятельств юный *Константин IV* (668-685) принял его, дабы подчеркнуть, что отныне он самостоятельно правит Римским государством. Все же при императоре *Льве VI Мудром* (886-912) консульство окончательно исчезло из перечня римских титулов⁴⁶.

9 октября 340 г. император *Констанций* (337-361), правивший восточной частью Римской империи, издал закон об учреждении претуры в Константинополе, дабы и в новой столице государства сенаторы отправляли обязанности претора. Назначать преторов отныне должен был сенат. Но эта магистратура вскоре превратилась из должности, с которой всякий будущий сенатор начинал свою карьеру, в налоговую повинность уже действующих сенаторов⁴⁷.

Дальнейшее наполнение императорского статуса конкретным содержанием попало в прямую зависимость от усвоенного Римом христианского вероучения. Императорская власть находит свое обоснование не в настроениях толпы, эгоцентризме отдельных правителей или фрагментарных философских учениях. Начиная со св. Константина Великого, природу императорской власти пытаются раскрыть по текстам Священного Писания и при помощи церковного Предания, обособляясь от старых республиканских представлений о власти и государстве.

Никаких конкурентов на властном поприще Римские императоры уже не имели, став единоличными правителями обширнейшей Империи. Им отныне и навечно подчиняется армия, принадлежит правосудие, государственное управление, вопросы международных отношений и внутренняя политика. Регулирование торговли, вопросы социального обеспечения и гражданства, налогообложение и помилование – все это находится теперь во власти

⁴⁵Чекалова А.А. У истоков византийской государственности: сенат и senatorская аристократия Константинополя. С.107.

⁴⁶Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. Т. 4. М., 2008. С. 385.

⁴⁷Чекалова А.А. У истоков византийской государственности: сенат и senatorская аристократия Константинополя. С.78, 79, 86.

императора. Но пока все это еще являет собой мозаичную картину, которой недостает главного – *идеи царской власти*.

Особым этапом в этом отношении является царствование императора св. Юстиниана Великого, при котором было осмыслено и сформулировано (им самим и современниками) целостное и полное учение об императорской власти на основе христианского учения. К этому времени практика церковно-государственного сотрудничества, великая и великолепная «симфония властей», обусловила то положение дел, что весь быт византийского общества в целом и каждого римлянина в отдельности был пронизан христианством.

Православие стало альфой и омегой существования Римской империи, которую потомки произвольно назовут *Византийской*, дабы отделить христианский период от языческого. Все общественно-политические и правовые отношения, включая гражданско-правовые, подвергались тщательной ревизии с точки зрения Православия. Сама «полития» стала считаться сакральным понятием, и император *Андроник II Палеолог* (1282-1328) в одном своем документе от 1314 г. писал, что людям на земле (т.е. в политике) позволено подражать Небесам. Иначе говоря, Римское царство есть прообраз Царствия Небесного⁴⁸.

Естественно, это убеждение возникло не в XIV веке, а гораздо раньше, и св. Юстиниан всецело разделял его. А потому Римский царь начал с *уподобления* императора Христу. Поскольку, с точки зрения Кафолической Церкви, Римская империя промыслительно создана Богом для восстановления человечества во Христе, то и ее значение неотделимо от автократической формы правления. Сходство между титулом Византийского императора – «автократор» – и титулом Спасителя – «Пантократор» слишком заметно, чтобы нуждаться в доказывании⁴⁹.

Внешне Римская империя представляла собой бесчисленное множество народов и наций, входящих в ее состав. Они жили своими национальными анклавами, которые в свою очередь прорезались внутренним разделением провинций на города и сельские поселения. Это была невообразимая механическая «каша», органическое единство которой придавал исключительно Римский император и Церковь. И слова одного замечательного исследователя в этом отношении очень верны и точны. «Императорская власть, - писал он, - трактуется в Средние века как наиболее совершенная форма проявления человеческой общности, как *communitas perfectissima*, она понимается при этом не как родственная *regnum* («царской власти») и автаркическому *civitas* («государству»), а как некое трансцендентное, а потому более высокое, более всеобъемлющее единство

⁴⁸Хвостова К.В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005. С.88.

⁴⁹Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007. С.140.

совершенно особого рода, способствующее установлению мира и справедливости в отношении между автаркическими общностями»⁵⁰.

Итак, существует только один Бог и одна Империя. Следовательно, по природе вещей возможен только один император, от которого все остальные правители получают права на свои территории и правят с его волеизъявления. Христос является единственным царем Вселенной, и сакральный смысл термина «император» отныне связывается с *царским служением Христа*. Допустить существование двух или трех равнозначных императоров – бессмысленно, как не может быть двух и более империй.

С *Ираклия I Великого* (610-640) за Римскими (Византийскими) самодержцами закрепился титул «*верный во Христе царь*». А традиционный термин «император», употреблявшийся еще с языческих времен, на время исчез. В 629 г. к титулатуре Римских (Византийских) императоров добавляется наименование «*василевс*», что хотя и является синонимом понятия «император», но имеет и собственное значение. Термин «василевс» позволял индивидуализировать Византийского царя среди всех прочих правителей и королей, как единственно легитимного императора во Вселенной. Василевс – это и есть *единственный* законный император, т.е. римский. Позднее старый и новый титулы воссоединились, и Византийские цари начали именоваться «*верный во Христе Боге царь и император римлян*»⁵¹.

Римский царь не только подобен Христу, но и *поставляется* по воле Бога. Хотя орудиями Его Промысла могут быть в зависимости от обстоятельств армия, сенат, епископы или народ – эти *детали* не имеют никакого значения. Император *богоизбран*, и царство его – от Христа. Идея народного суверенитета, избираемость императора сенатом (хотя бы и сугубо формальная или номинальная) уходит в безвозвратное прошлое. Уже отцы I Вселенского Собора в Никее в 325 г. обращаются к императору св. Константину Великому: «Благословен Бог, избравший тебя царем земли!»⁵². Вслед за ними император св. Маркиан (450-457) пишет отцам IV Вселенского Собора в Халкидоне в 451 г.: «Когда Божественным определением мы были избраны на царство...» и далее по тексту⁵³.

Если оценивать императорскую правоспособность того времени, то Римский царь становится единственным и безальтернативным законодателем в Империи. Он принимает на себя право издания эдиктов, которое раньше находилось в руках римских магистратур, и его эдикты какое-то время

⁵⁰ Шмитт Карл. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С.39.

⁵¹ Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С.142, 143.

⁵² «Приветственная речь императору Константину от Собора»//Деяния Вселенских Соборов. В 4 т. Т.1. СПб., 1996. С.38.

⁵³ «Речь императора Маркиана»// Деяния Вселенских Соборов. Т.3. СПб., 1996. С.54.

действуют наравне с теми. Но в отличие от прежних преторских актов, акты императора получили статус *lex generalis*, т.е. стали законами в привычном смысле слова, занимающими ведущее место в иерархии источников права⁵⁴.

Законотворчеству императоров вскоре придаются абсолютные черты, хотя некоторые акты, принимаемые сенатом, все еще сохранялись. По законам императоров *Валентиниана II (375-392)*, *св. Феодосия Великого (379-395)* и *Аркадия (394-408)*, законодательная власть еще делится *между* сенатом и императором: «Хотя сенатские постановления сами по себе получают постоянную силу, однако *нашими законами* мы преследуем ту же цель». Сенат сохранил на некоторое время подобие законотворческих функций. И, принимая тот или иной правовой акт, императоры направляли его в сенат для формального утверждения и опубликования⁵⁵.

Но этот дуализм существовал до императора св. Юстиниана Великого, который кардинально обозначил свои законотворческие прерогативы: «Раз по древнему закону, который называется царским, все право и вся власть римского народа переданы императору, и мы не разделяем закон на части, относящиеся к различным создателям, но повелеваем, чтобы он был целиком нашим»⁵⁶.

Со времени царствования этого удивительного и блистательного императора появляется новый вид законодательных актов, принадлежащих исключительно императору - *новеллы (Novellae Constitutiones)*, которые должны были дополнять римское законодательство, систематизированное при св. *Феодосий II Младший (408-450)* и самом св. Юстиниане в кодексы.

Не римский сенат или народ предоставили императору право творить законы, но Бог, а потому император стоит *выше закона*. Это убеждение казалось на протяжении многих веков незыблемым, включая клир и священноначалие. Антиохийский патриарх и известнейший канонист *Феодор Вальсамон (1193-1199)* и Болгарский архиепископ *Димитрий Хоматин (XIII в.)* прямо утверждали, что царь не подлжит ни законам, ни правилам, т.е. стоит *выше* их (толкование Вальсамона на 19, 20, 21, 22, 23 правила Карфагенского собора)⁵⁷.

За счет этого закон становится тем более обязательным для всех подданных и судей, правителей и военачальников. Да, следуя формальной юридической логике, император, как источник закона, не подчинен его действию. Но именно следование праву, как того требует нравственный закон Христа, делает императора законным владыкой. И совершенно верна мысль,

⁵⁴Пухта Г.Ф. История римского права. М., 1864. С.487.

⁵⁵Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. С.130-132.

⁵⁶Сильверстова Е.В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V – X вв. н.э. С. 184.

⁵⁷«Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями». С.432.

что для византийского сознания не всякая власть легитимна, а та, которая избирает уважение к законам. «Законный правитель должен стараться соответствовать законам. Короче говоря, легитимность сообщается через обращение к законности»⁵⁸.

Это нравственное требование к императору прекрасно понимали сами носители высшего титула Империи. В одном из своих посланий императоры св. Феодосий II Младший и *Валентиниан III* (423-455) писали: «Достоин величия правящего, чтобы принцепс объявил себя связанным законом: до такой степени наш авторитет зависит от авторитета права. И в самом деле большее, чем власть, есть подчинение должности принцепса законам. И посредством изречения настоящего эдикта мы извещаем, что мы не допускаем то, что нам подобает»⁵⁹.

Исчезновение республиканских магистратур и аккумуляция всей полноты власти в руках императора привело к тому, что его власть приняла абсолютные черты. Теперь императору принадлежит три важнейших функции: репрезентативная, исполнительная и административно-законодательная. Как богоизбранный самодержец, он представлял Римскую империю. Своим статусом, внешним видом и величием царь внушал уверенность всем окружающим народам в величии и вечности Римской империи. Наконец, как носитель высшей исполнительной власти, царь приобрел неограниченное право судить своих подданных, смещать с государственных должностей и т.д.⁶⁰

С *формально-правовой* стороны власть императора стала никем и ничем не ограниченной. Блистательно эта мысль была изложена св. Юстинианом Великим в 133 новелле: «Нет ничего недоступного для надзора царю, принявшему от Бога общее попечение обо всех людях. Императору подобает верховное попечение и забота о спасении подданных». И далее: «Так высоко поставил Бог и императорское достоинство над человеческими делами, что император может все новые явления и исправлять, и упорядочивать, и приводить к надлежащим условиям и правилам».

Все это, хотя бы и с некоторой натяжкой можно назвать привычным для общественного сознания тех далеких времен. По крайней мере, восточные деспотии, у которых византийцы позаимствовали пышность двора и многие детали императорского этикета, основывались на абсолютной власти своих царей. Но дальше св. Юстиниан заявляет другой программный тезис, отныне и навечно становящийся «визитной карточкой» византийского монархизма, эмблемой самой Византии, образцом для подражания на многие столетия восточными и западными монархами. Едва закончив предыдущую фразу,

⁵⁸ *Дагрон Жильбер*. Император и священник. Этюд о византийском «цезаропапизме». СПб., 2010. С.33, 34.

⁵⁹ *Сильверстова Е.В.* Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V – X вв. н.э. С.52.

⁶⁰ *Каждан А.П.* Византийская культура. СПб., 2006. С. 105-108.

святой царь пишет в указанной выше новелле: «Император есть блюститель канонов и Божественных Законов. Царь через Соборы священников утверждает Правую веру»⁶¹.

Это было уже не только программное заявление на будущее, но и *констатация факта* деятельного участия предшественников св. Юстиниана Великого, среди которых насчитывается *семь* святых императоров и императриц, в делах церковного управления и обеспечения чистоты церковного вероучения. Под словами св. Юстиниана Великого: «Заботой нашей было и есть охранять мир Святой Божьей и Апостольской Церкви, как требует справедливость, и осуждать то, что в каком-нибудь отношении является противным православной вере», могли подписать все без исключения Византийские цари. Впрочем, они не только разделяли его убеждение, но и строго следовали данному принципу в жизни⁶².

Прошло всего 200 лет с тех пор, как римлянам разрешили свободно исповедовать христианство - минута на часах вечности. Но Церковь на горьких примерах убедилась, что без императора ее нормальное существование и деятельность невозможны. И хотя в течение многих веков церковная правоспособность Римских императоров была урегулирована правовым обычаем, это не мешало им чувствовать свою ответственность за дела Кафолической Церкви.

Впрочем, участие императора в деятельности Церкви регулировалось не только правовым обычаем, но и конкретными нормами права. В 1380 или 1382 гг. император *Иоанн V Палеолог* (1341-1391) потребовал от столичного архиерея и синода сформулировать свои церковные полномочия. Как следствие, был принят акт, которым за царем закрепили право выбора лица на митрополичью кафедру из трех кандидатов, представленных синодом. Более того, за императором признали право фактически *самостоятельно* определять состав синода, устанавливая, кто из провинциальных архиереев может находиться в Константинополе, а кому – запрещено. За императором сохранилось старое полномочие перемещать епископов с кафедры на кафедру, изменять границы епископий и митрополий, а также назначать пятнадцать высших чинов Константинопольской патриархии⁶³. Впрочем, для правоспособности императора не играет никакой роли, законом или правовым обычаем урегулированы их полномочия, т.к. они имеют обычно одинаковую силу.

⁶¹ *Асмус Валентин, протоиерей*. Отношения Церкви и государства по законам императора Юстиниана I (Великого)// [http: oroik. Netda.chten_99/ asmus.htm](http://oroik.netda.chten_99/asmus.htm). С.4.

⁶² «Грамота императора Юстиниана святому Собору об Оригене и его единомышленниках»//Деяния Вселенских Соборов. В 4 т. Т.3. С.537.

⁶³ *Асмус Валентин, протоиерей*. Полномочия императоров в поздней Византии// Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2002.

Все без исключения Вселенские Соборы созывали императоры, они же и утверждали их акты. «Из столь многих бывших Соборов, на которых сходились все архиерейски председательствующие в церквах, ни один Собор не произошел по повелению кого-нибудь из таковых архиереев: ни блаженнейшего папы старейшего Рима, ни патриарха Константинопольского, ни папы Александрийского, ни Иерусалимского, ни иного кого, но все Соборы собирались по царским повелениям. Ибо царь был имеющим власть их созыва, и без царского приказа ничего такого не совершалось. Так что и вновь, если необходимо созвать Собор для исследования истины, должно быть так, и царскими указами сойтись в том месте, где он прикажет. И царь воссядет посреди, чтобы по старому тому обыкновению рассуживать говорящих», - писал в 1256 г. Римскому папе *Александру IV* (1254-1261) император *Феодор II Ласкарис* (1254-1258). И это было для всех бесспорной истиной – даже папа не осмелился вступить с императором в диспут по данному вопросу.

Не только догматические вопросы оказывались в сфере ведения императорской власти, не менее активно они осуществляли канонические законотворчество. Каноны, принятые непосредственно св. Юстинианом Великим, св. *Никифором I Фокой* (963 - 969), *Константином VII Порфирородным* (913-959), *Львом VI Мудрым* (886-912), *Алексеем I Комнином* (1081-1118), *Мануилом I Комнином* (1143-1180), *Исааком II Ангелом* (1185-1195, 1203-1204) и другими императорами навсегда вошли в корпус канонического права Кафолической Церкви. Им же принадлежало право помимо Соборов епископов канонизировать святых, которым, правда, они пользовались чрезвычайно редко. В частности, Лев VI Мудрый своим законодательным актом канонизировал покойную супругу св. Феофанию.

«С призванием Святые Троицы», как писал Антиохийский патриарх Феодор Вальсамон на 69 правило Трулльского Собора, назначали и снимали патриархов⁶⁴. Следует заметить, что какого-либо альтернативного, твердо установленного порядка выбора патриарха или его назначения Византия не знала.

Помимо этого императоры устанавливали порядок избрания епископов. Первый раз это было сделано императором св. Юстинианом Великим, который трижды – в 535, 546 и 565 гг. обращался к данной проблематике и установил необходимую процедуру своими законами (6 и 137 новеллы)⁶⁵. А через четыре столетия император св. Никифор II Фока издал еще одному новеллу, согласно которой царь решил самостоятельно определять лиц для назначения их на архиерейские вакантные места, а епископский собор должен лишь испытать кандидатов и совершить над ними епископскую хиротонию. В 1107 г. Алексей I Комнин также издал новеллу, регулирующую вопросы избрания епископов и прочих клириков. Констатировав, что

⁶⁴«Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями». М., 2000. С.506.

⁶⁵Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.2. С.215.

«христианская Церковь доведена до опасного положения, поскольку иерархический чин ежедневно приходит все к худшему и худшему состоянию», император назвал себя высшим блюстителем церковных порядков.

Если уж мы коснулись личности и творчества Алексея I Комнина, то нужно сказать, что он не отказывал себе в праве вторгаться в вопросы деятельности самого Константинопольского патриарха. В 1112 г. им была издана новелла, определявшая права патриарха по отношению к монастырям. В соответствии с этим законом патриарх обязывался неукоснительно наблюдать и исправлять душевные заблуждения и падения во всех монастырях Византии, кому бы они ни принадлежали. Для этих целей Константинопольскому патриарху дозволялось беспрепятственно входить во все монастыри или направлять туда своих представителей, осуществляющих контроль над монашеской жизнью⁶⁶.

«Внешний» епископ, как назвал себя св. Константин I Великий, все больше становился епископом «внутренних дел» Церкви, принимая самое непосредственное участие в выработке православного вероисповедания⁶⁷. Не удивительно, что император Исаак II Ангел принял титул *епистимонарха*, т.е. «опытнейшего правителя Церкви», «благочинного Церкви». Тем самым недвусмысленно заявив, что хотя царь и не является священником, но именно он стоит во главе церковного управления и несет персональную ответственность перед Христом за состояние дел в Церкви.

В соответствии со своей компетенцией императоры непосредственно определяли *административно – территориальное деление Церкви*, присваивая, в частности, по своему усмотрению титул митрополии отдельным епископиям, как это установлено 12 правилом IV Вселенского Собора⁶⁸. В комментариях на 17 правило IV Вселенского Собора и на 38 канон Трулльского Собора говорится буквально следующее: «Настоящее правило определяет, чтобы царской властью воздвигнутые города в церковном отношении были почитаемы так, как предпишет царское повеление, т.е. имели достоинство епископии или митрополии (ибо церковное распределение должно следовать ... царским повелениям). Настоящим правилом предоставлено царю вновь устроить епископии, а иные возводить в достоинство митрополии ... по его усмотрению»⁶⁹.

Первый опыт в этом отношении дал св. Юстиниан Великий. Он создал новую епархию на своей «малой родине», в провинции Дардинии, придав ей

⁶⁶Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842-1204). СПб., 2003. С.149.

⁶⁷Вернадский Г.В. Византийские учения о власти царя и патриарха//«Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова». Прага, 1926. С.144.

⁶⁸«Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями». М., 2000. С.194, 195.

⁶⁹Там же. С. 408.

статус церковного центра северного диоцеза Иллирика. Небольшой поселок вскоре преобразился в цветущий город, украшенный общественными зданиями, и получил именование *Первой Юстинианы*. В 535 г. император своим указом предоставил епископу этой кафедры права митрополита и назначил местоблюстителем патриаршего престола. Лишь в 538 г. Римский папа *Вигилий* (537-555) своим актом подтвердил то, что император уже давно определил с позиций публичного права⁷⁰.

А император *Констант II* (641-668) в 664 г. признал автокефалию Равеннского епископа и его независимость от Римской кафедры. До этого такое положение имели лишь епископы Медиолана (Милана) и Аквилеи в силу исторических традиций, сформировавшихся так же не без участия императоров⁷¹.

Другой масштабный прецедент возник уже во времена императора *Льва III Исавра* (717-741), когда он своим указом переподчинил целые митрополии от Римской кафедры Константинопольскому патриарху: Эпир, Дакию, Иллирию, Фессалию, Македонию⁷².

Обычно, когда между кафедрами возникали дискуссии относительно того, какому патриарху подчинена та или иная территория, решение вопроса передавалось на усмотрение самодержца. Так было, в том числе, при решении вопроса о духовном окормлении Болгарии, который решался на Константинопольском соборе «В храме Святой Софии» в 879-880 гг. И на этот раз позиция императора, а им был *Василий I Македонянин* (867-886), предрешила исход спора, несмотря на яростное сопротивление авторитетной Римской кафедры.

Традиционно утверждают, что вопрос об иерархии патриарших кафедр решался Вселенскими Соборами, и это правда. Но и императоры зачастую имели непосредственное отношение к данному вопросу, своими актами определяя главенство той или иной кафедры. В частности, в 545 г. св. Юстиниан Великий 131 новеллой постановил следующее. «Основываясь на правилах Святых Соборов, определяем святейшему епископу древнего Рима быть первым пред всеми, а блаженнейшему епископу Константинополя, нового Рима, занимать второе место после престола древнего Рима и быть выше всех прочих». Следом по очереди шли патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима. Затем была определена и иерархия остальных епископий.

А при Римском папе св. *Григории Великом* (590-604) *Фока* (602-610), поддержавший понтифика в его вековом споре с Константинопольской

⁷⁰Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 т. Т.2. СПб., 2003. С.50.

⁷¹Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 т. Т.3. СПб., 1996. С.209, 210.

⁷²Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакты // Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакты. Прииск Понтийский. Сказания Прииска Понтийского. Рязань, 2005. С.345.

кафедрой, публично потребовал к вящей радости Рима и в пику столичному патриарху, чтобы «Апостольский престол блаженного Апостола Петра признавался главой всех церквей»⁷³. Отметим, что на эти два прецедента впоследствии часто ссылалась сама Римская кафедра, отстаивая свое верховенство.

Разъясняя причину столь широкой правоспособности императора, Хоматин писал: «Император, который есть и называется верховным правителем Церквей, стоит выше определений Соборов. Этим определениям он доставляет надлежащую силу. Он есть мерило в отношении к церковной иерархии, законодатель для жизни и поведения священства, его ведению подлежат споры епископов и клириков и право замещения вакантных кафедр. Епископов он может делать митрополитами, а епископские кафедры – митрополичьими кафедрами. За исключением совершения богослужения императору предоставлены все остальные епископские привилегии, на основании которых его церковные распоряжения получают канонический авторитет. Как древние императоры подписывались: *pontifex maximus*, таковым должно считать и теперешних императоров, как помазанников Божьих, ради царского помазания. Подобно тому, как Спаситель, будучи Помазанником, есть и чтится как Первосвященник, так и император, как Помазанник, украшается благодатью первосвященства».

Наконец, завершая перечисление наиболее ярких и значимых правомочий императора, следует сказать, что он обладал беспрецедентным правом на участие в богослужении. Обратим внимание и на комментарий Феодора Вальсамона к 12 правилу Анкирского собора: «Императоры и патриархи должны быть уважаемы, как учителя Церкви ради их достоинства, которое они получили через помазание миром. Отсюда происходит власть правоверных императоров наставлять христианские народы и подобно иереям приносить Богу курение. Православные императоры невозбранно, когда захотят, входят в Святой Алтарь, и кадят, и делают знамение креста с трикирием, как и архиереи. Они предлагают народу катехизическое поучение, что предоставлено одним местным архиереям... А как царствующий император есть помазанник Господень по причине помазания на царство, а Христос и Бог наш есть между прочим и архиерей, то благостно и император украшается архиерейскими дарованиями»⁷⁴.

Тоже самое следует сказать о литургическом творчестве царей и их проповеднической деятельности. Императоры св. Юстиниан Великий, *Феофил* (829-842), Лев VI Мудрый и Феодор II Ласкарис много времени посвящали составлению проповедей и церковных песнопений. Сохранились «слова» Льва VI на Рождество Богородицы, Введение Ее в храм, Благовещение, Сретение, Рождество Христово, Вербное Воскресенье,

⁷³Васильев А.А. История Византийской Империи. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 243.

⁷⁴Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С. 89, 90.

Воздвижение Святого Креста Господня, Воскресение и Вознесение Христа, на Сошествие Святого Духа и Пятидесятницу, Успение Богородицы, Неделю всех святых, Усекновение главы Иоанна Предтечи, в честь св. Иоанна Златоуста и св. Николая Мирликийского, и «слово» ко всем христианам – всего 19 проповедей. Из несохранившихся сочинений известны работы «О судьбе», «Главы о добродетели», «Нравственные правила». Кроме того, Льву VI Мудрому приписывается полемическое сочинение с сарацинским князем Омаром. Как правило, эти проповеди зачитывались в храмах его чиновниками, но нередко царь и сам выходил с текстом на амвон.

Не менее плодотворным император был и в области церковной гимнографии. Он написал стихиру на «Хвалите» в Лазареву Субботу, две стихирны на Великий Пяток, стихиру на утрени в неделю вай «Презревши, душа моя, божественных помазаний», 5 стихир на «Господи воззвах» за вечерей, 11 стихир Евангельских, среди них известную стихиру «Придите, людие, триипостастному Господу поклонимся». Его перу принадлежит и песнь на второе пришествие Христа, впоследствии положенная на ноты⁷⁵.

Феодор II Ласкарис также неоднократно пробовал себя в богословии и гимнографии. Его перу принадлежит Великий молебный канон Богоматери «Колесницегонителя Фараона погрузи...», вошедший в славянские Октоих и Псалтирь с воследованием⁷⁶. Им написано множество тропарей и ирмосов и подобраны музыкальные переливы, трогаящие душу всякого верующего христианина⁷⁷.

Не утруждая читателя деталями, заметим, что Византийские императоры в скором времени стали осуществлять *все* полномочия, которые канонически закреплены за органами церковного управления и священством, включая епископат, за исключением одного – совершения Таинств, на что, впрочем, Римские цари никогда не претендовали.

Удивительно, но иногда, хотя и редко, императоры добровольно ограничивали свою правоспособность, передавая иным государственным органам свои полномочия. Классическим примером является история создания в 1296 г. императором Андроником II Палеологом «Вселенского суда», никогда ранее не существовавшего в Римском государстве. Собрав народ в храме, василевс констатировал слабость и продажность судебных учреждений. А потом объявил о своем решении создать специальный суд, составленный из 12 судей – 6 священников и 6 сенаторов.

Исключительно ему отныне подсудны все гражданские дела, включая и дела лиц царской семьи. В документе говорится, что хотя сам царь стоит выше закона и всякого принуждения, и ему позволительно делать все, но Андроник II презрел такое положение дел и отдает себя в руки закона и

⁷⁵Попов Николай, протоиерей. Император Лев VI Мудрый и его царствование. С.220-222, 228-230.

⁷⁶Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия императоров в поздней Византии.

⁷⁷Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т.5. СПб., 2002. С.287.

Вселенского суда. Тем самым император отказывался от части своих судебных полномочий и ограничил собственную правоспособность. И хотя в скором времени суд не оправдал возложенных на него надежд и был упразднен, этот прецедент очень важен для нашего исследования⁷⁸.

По идее, правоспособность царя не должна была отличаться от правоспособности рядового римского гражданина в худшую сторону. Но на самом деле, так считали не все и не всегда. С этим связан один запоминающийся пример.

Однажды император Феофил увидел корабль, заходящий в гавань Константинополя. Поинтересовавшись, чье это судно, он узнал, что корабль принадлежит его супруге, царице *св. Феодоре* (842-856). На следующий день василевс явился в порт, где на якоре стояло интересующее его судно, узнал, какой груз находится в его трюме, а затем собрал сенаторов и спросил, кто из них имеет нужду в хлебе или другой домашней провизии. На это все сановники ответили, что не испытывают нужды ни в чем. «Неужели вы не знаете, - продолжал царь, - что августа, моя супруга, превратила меня – царя Божьей милостью в судовладельца? А кто когда видел, чтобы Римский царь или его супруга были купцами?». После этого император приказал спустить всех моряков, находящихся на корабле, на землю, а судно сжечь вместе со всеми товарами⁷⁹. Иначе говоря, император посчитал, что царский сан несовместим с возможностью для него и членов его семьи осуществлять предпринимательскую деятельность и обогащаться таким способом.

В целом отметим, что при наличии многочисленных источников и даже законов, определявших императорскую правоспособность, она не могла считаться «закрытой» по содержанию, т.е. полностью определенной и описанной. Ведь всегда могли возникнуть ситуации, не известные ранее. А потому современники формировали мозаичный портрет царской власти на основании конкретных прецедентов, оценкой которых выступало *польза Церкви и общее благо* Византийского государства.

IV. Правоспособность и дееспособность императора

Такова в целом история формирования и содержание статуса Римского (Византийского) императора. Между тем, невыясненными остались несколько важных вопросов. Например: с какого момента император мог считаться полноправным правителем Империи? Для ответа на этот вопрос напомним, что обычно правоспособность юридического лица возникает с момента его создания и исчезает с прекращением существования. Но когда речь заходит о царственных особах Византии, нужно различать статус императорской власти, как неизменного и возвышающегося над всеми

⁷⁸Соколов И.И. Вселенские судьи в Византии//Сочинения. СПб., 2003. С.225-229.

⁷⁹«Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей». СПб., 2009. Книга III, глава 4. С. 62, 63.

политического и сакрального института, и *дееспособность* конкретного государя, т.е. его *личную способность* осуществлять свои права и ответственность за собственные поступки. И если статус является неизменным, вечным атрибутом и качеством императорской власти, то у физического лица, конкретного василевса, царская дееспособность возникает с момента воцарения. Осталось теперь понять, какой акт легализовал статус претендента на царство.

Поскольку никаких законов на этот счет неизвестно, следует ориентироваться на прецеденты, впоследствии отлитые в форму правового обычая. И здесь нас ждет много неожиданностей. Коронация лица, безусловно, фигурирует в качестве обязательного акта признания за ним царской дееспособности. Но разве многие царевики, коронованные на царство, не утратили впоследствии своих прав на него? Ответ, конечно, риторический.

Миропомазание лица патриархом? Известно, что без совершения этого таинства царь не считался таковым. Более того, оно должно совершаться исключительно Константинопольским патриархом. А потому император *Иоанн VI Кантакузен* (1347-1354), венчанный на царство 21 мая 1346 г. Иерусалимским патриархом *Лазарем* (1334-1368), полагал свой статус в чем-то ущербным. Поэтому 13 мая 1347 г. Константинопольским патриархом была совершена повторная процедура венчания Иоанна VI Кантакузена и его жены Ирины на Римское царство⁸⁰.

Однако, как известно, последний Византийский император *св. Константин XI* (1448-1453) был коронован 6 января 1449 г. в отсутствие возможности не Вселенским патриархом «Нового Рима», а всего лишь митрополитом Мистры. И это обстоятельство никто не вменял ему в вину⁸¹.

Избрание императора сенатом, армией, народом или священноначалием также не являлось безусловным основанием появления у него царской дееспособности: мы знаем массу случаев, когда такие лица просто даже *не начинали* царствовать. Порфирородное происхождение тем более не являлось таким основанием. Множество царевен и царевиц, равно как и усыновленных императорами лиц, предназначавшихся для царствования, так и не стали василевсами.

Единственный ответ заключается в том, что при наличии тех или иных необходимых качеств, при условии совершения необходимым процедур и таинства, главным основанием воцарения того или иного кандидата являлось *общее согласие* (гласное или негласное) народа, иерархии, армии и аристократии. Без этого никакое миропомазание, коронация, симпатии сената, армии или происхождение не играли никакой роли. В этом отношении Византия явила нам пример настоящей *народной монархии*.

⁸⁰Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.5. С.446.

⁸¹Кроули Рожер. Константинополь. Последняя осада 1453 г. М., 2008. С.73.

Среднестатистический византиец никоим образом не являлся рабом императора, слепо выполнявшим его волю. Он органично чувствовал иерархию мира и общества, а потому наделял своего царя целым сонмом самых важных полномочий. Но, как христианин, он всегда чувствовал себя в первую очередь *свободным гражданином* своей великой родины, Римской империи. «Дух независимости и сознания собственного достоинства сказался в обращении с императором, которому обыкновенно со своей стороны не приходило в голову преследовать гражданина за свободный тон речи в отношении государя и требовать себе восточного раболепия. Император неизменно выслушивал их шутки, советы, замечания, порой выраженные чересчур в живой форме и больно задевавшие личность государя»⁸².

Если византийское общество приходило к мысли, что правящий монарх не соответствует идеалу справедливого царя, то участь его была, как правило, печальной. Императоры Зенон и *Василиск* (475-476), св. *Маврикий* (582-602) (даже он!), *Фока*, *Ираклон* (641), *Юстиниан II Ринотмет* (685-695, 705-711), *Леонтий* (695-698), *Феодосий III* (715-717), *Михаил III* (842-867), *Михаил V Калафат* (1041-1042), *Михаил VI Стратиотик* (1056-1057), *Михаил VII Дука Парасинак* (1071-1078), *Никифор III Вотаниат* (1078-1081), *Андроник I Комнин* (1183-1185) как некоторые другие василевсы были оставлены народом, как утратившие нравственное доверие общества и священноначалия, и лишились власти, а некоторые и жизни.

Зато классическим примером, когда народная поддержка удержала правителей на престоле, является история с последними представителями блистательной Македонской династии *Зою* (1042-1050) и *Феодоры* (1042-1056), которых византийцы буквально спасли от власти узурпатора и восстановили на престоле. 19 апреля 1042 г. Константинополь взорвался криками многотысячных толп народа: «Не хотим иметь Калафата царем! Верните к власти нашу *матушку Зою*, урожденную и законную нашу царицу! Разнесем кости Калафата! Где ты, наша единственная, душой благородная и лицом прекрасная? Где ты, одна из всех достойная всего государства госпожа, царства законная наследница, у которой и отец – царь, и дед, и деда родитель?»⁸³. Это и решило дело в пользу порфирородных сестер.

Следующий вопрос не менее интересен и важен: в силу каких причин в Византии повсеместно допускались ситуации, при которых одним императорам отказывали в тех правах, которые легко признавались за другими василевсами? Не означает ли это то, что *правоспособность* императора варьировалась в зависимости от лиц?

Но, как мы выяснили раньше, правоспособность самой царской власти, как высшего органа государства, оставалась всегда неизменной, вне зависимости от того, какой носитель в настоящую минуту обладал ею. Таким

⁸²Грибовский В.М. Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897. С.204, 207, 208.

⁸³Пселл Михаил. Хронография. Михаил V. Глава XXVI. СПб., 2003. С.64.

образом, варьировалась не правоспособность царской власти, и не ее статус, а *дееспособность* конкретного императора, которая действительно иногда существенно различалась.

Вариации на этот счет возникали в зависимости от того, соответствовал, по мнению современников, тот или иной император своему высокому статусу, либо нет. Причем, что удивительно, эта оценка могла носить как прижизненный характер, так и посмертный. Да, император имел права на жизнь и имущество любого гражданина Византии, но его действия могли быть справедливыми или нет. Предположим, император лишал чиновника имущества и даже жизни, отправлял в изгнание или ссылку; или, наоборот, обласкивал подарками и званиями. И первое, и второе действия находились в границах царской правоспособности, и *формально* василевс действовал по закону. Но его действия могли быть признаны *несправедливыми*, а потому подлежащими отмене.

Как правило, такие ревизии осуществлялись при деятельном участии или даже по инициативе граждан Византии, всего скорых на оценки власть предержащих. Римский император не был абсолютным деспотом, которому подвластно все. С нравственной точки зрения, легко переходившей в правовую и политическую плоскость, *над ним* располагался Божий Закон, церковная иерархия, Вселенские Соборы, а также «страж благочестия» - римский народ. И *невидимую для формального права* границу своего всевластия император прекрасно осознавал.

Если император являлся правомыслящим и правил справедливо, народ и церковная иерархия охотно признавали за ним весь комплекс царских прав. В противном случае он считался как бы *ограниченно дееспособным* в управлении Церковью и Империей. Иными словами, *дееспособность царя зависела от чистоты его веры, помыслов и поступков*, но при этом правоспособность императорской власти оставалась неизменной по своему объему. Неправедный василевс признавался (неважно, при жизни или позднее) как бы *не вполне духовно здоровым*, не вполне тем, кем *должен быть*, а потому, как следствие, не вполне способным к управлению государством. Например, отцы VII Вселенского Собора не сомневались в том, что цари православные являются хранителями веры и защитниками Церкви, и им приписываются достоинства Христа. А вот цари-иконоборцы не могут приписывать себе священнический статус, поскольку пусть даже заблуждаясь, они впали в ересь⁸⁴.

Как видим, все решала *рецепция* или, иначе говоря, свободное усвоение народным сознанием тех или иных императорских действий и решений. Церковь принимает то, что *полезно ее членам* («канонично то, что полезно»), хотя бы такое распоряжение исходило от царя, чьи акты по иным вопросам она же отвергла как неверные. Поэтому нередки случаи, когда священноначалие и общество принимали и реципировали отдельные акты

⁸⁴Асмус Валентин, протоиерей. VII Вселенский Собор 787 г. и власть императора в Церкви//*Regnum Aeternum*. М., - Париж, 1996. №1. С.61.

императоров-сторонников ересиархов, и наоборот. Тоже следует сказать и в отношении поступков и распоряжений императоров, которые касались сугубо государственной сферы. Византийский народ не принимал отдельных решений царей-монофелитов и иконоборцев по вероучительным вопросам, но нисколько не отрицал их прав по управлению Римским государством. «Монарху-мудрецу, народолюбцу византийский гражданин готов был во всем повиноваться бесконтрольно и беспрекословно. Не существовало в тогдашнем мире более послушного и признательного подданного, нежели византиец в те минуты, когда он вверял свою судьбу автократу-философу, ставившего себе целью жизни благо подвластного народа»⁸⁵.

И хотя мы в данном случае говорим о *христианских* императорах Византии, это положение вещей имеет в качестве своей предыстории старые римские представления о связи нравственности с дееспособностью. Как полагали римляне, существует целый ряд прав, пользование которыми требует от лица нравственной чистоты. Еще император Траян полагал, что если власть принцепса перестала быть нравственной, он должен быть заменен другим лицом⁸⁶. Оставалось только определить, кто станет судьей его поступков.

Как указывалось выше, первоначально оценку нравственного состояния римского гражданина передали в руки специального *цензора*, который, как указывалось выше, мог по своему усмотрению вычеркнуть из списка сенаторов, всадников и т.д. Сходные функции осуществляли консулы и преторы, которые исключали лиц из списка кандидатов на общественные должности. С течением временем, уже на закате республики, все большее распространение получила именно преторская *infamia*, т.е. с обвинением лица в совершении недостойных поступков. Признание человека виновным по суду в бесчестии приводило к лишению его всех политических прав (*jus suffragii et jus honorum*)⁸⁷. Такой человек становился *aerarius*, т.е., сохраняя статус римского гражданина, он утрачивал все политические права, присущие этому статусу⁸⁸.

Во времена христианских императоров под *infamia* стали попадать также поступки, свидетельствующие о вероотступничестве гражданина. Как следствие, они лишались всех или части политических и гражданских прав⁸⁹.

Примечательно также, что правила *infamia* не были утверждены каким-то конкретным законом и имели своей основой народные представления о

⁸⁵Грибовский В.М. Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. С.232.

⁸⁶Гримм Э. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т.2. С.284.

⁸⁷Покровский И.А. История римского права. С.313, 314.

⁸⁸Савиньи Фридрих Карл фон. Система современного римского права. Т.2. С.112.

⁸⁹Митюков К.А. Курс римского права. Киев, 1912. С.19, 20.

справедливости и нравственности (*moribus*)⁹⁰. Связь византийской рецепции с институтом *infamia* в интересующем нас контексте более чем заметна.

Остался еще один, не менее занимательный вопрос: как распределялась дееспособность в ситуациях с несколькими императорами, а также в тех случаях, когда император являлся малолетним ребенком?

Легко догадаться, что и в этот раз статус императорского престола оставался неизменным, но дееспособность варьировалась в зависимости от обстоятельств. В тех случаях, когда царь был *малолетним*, а таких примеров наберется немало, в качестве дееспособных лиц, помогавших императору управлять государством, возникали фигуры матерей-регентов или посторонних лиц, также признаваемых регентами либо царями. Так, регентом при св. Феодосии II Младшем была его сестра *св. Пульхерия* (450-453), при Михаиле III – его мать св. Феодора, при *Константине VI* (780-797) – его мать *св. Ирина* (797-802), при Константине VII Порфирородном – император *Роман I Лакапин* (919-944), при *Василии II Болгаробойце* (976-1025) и *Константине VIII* (1025-1028) – св. Никифор Фока, а потом *Иоанн I Цимисхий* (969-976), при Иоанне V – его мать Анна Савойская.

Юные наследники, без всякого сомнения, признавались царями и им оказывали положенные их статусу знаки внимания. Но осуществлять свои властные полномочия они не могли, а потому *на время* их публичная дееспособность переходила к другим лицам. Это все вполне соответствовало бы современным представлениям о дееспособности несовершеннолетних граждан, если бы не одно «но»: почти все из указанных выше опекунов являлись императорами, т.е. императорская дееспособность была *одновременно* (или параллельно) доступна и малолетним царям, и взрослым императорам и императрицам. Но их дееспособность различалась весьма существенно.

Нередки были также ситуации, когда одновременно правили несколько *взрослых* императоров. *Михаил IX Палеолог* (1295-1320) соцарствовал своему отцу Андронику II Старшему Палеологу. В свою очередь отец Андроника II *Михаил VIII Палеолог* (1261-1282) после венчания сына на царство разрешил тому самостоятельно издавать императорские указы. Он даже даровал царственному юноше царский жезл – символ власти⁹¹.

Император св. Маркиан соцарствовал со св. Пульхерией, и они негласно разделили свои полномочия; царская правоспособность при этом, разумеется, оставалась неизменной. Св. Маркиан взял на себя внешнюю защиту государства, которому угрожали враги, а его венценосная супруга приняла внутреннее управление и руководство Церковью. Делили императорскую власть, хотя опять же неформально и негласно, *Андроник III Младший*

⁹⁰*Савиньи Фридрих Карл фон*. Система современного римского права. Т.2. С.33, 113.

⁹¹*Пахимер Георгий*. История Михаила и Андроника Палеологов//Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Патриарх Фотий. Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004. Книга 4, глав. 29. С. 203.

(1328-1341) со своим дедом Андроником II Палеологом. Впрочем, таких ситуаций возникало немало.

Иногда это обуславливалось амбициями нескольких лиц или необходимостью обеспечения преемственности власти. Но нередко многоцарствие возникало в силу естественной потребности восполнить недостатки одного лица за счет достоинств второго царя, дабы вместе они максимально соответствовали образу Римского императора.

* * * *

В специальной литературе нередко отстаивается то мнение, будто императорство, как разновидность единоличной власти, выступает некоторой противоположностью государственным органам, чья жизнь совершается под контролем и при содействии права. Иногда в качестве образчика самодержавной тирании, презиравшей право и права, ставившей во главу угла собственный интерес и своеволие, называется Римская (Византийская) империя. Весь тон подобного рода выступлений является чрезвычайно оскорбительным для этой беспрецедентной Империи, ставшей колыбелью христианской цивилизации. Иногда, как это делал Э. Гиббон, историю Римской империи делят на два периода. Первый - языческий, сугубо «римский», прогрессивный, знаменитый своим правом. И второй - христианский, «угасающий», где довлел уже не закон, а «тирания» Византийского императора.

Между тем, даже исходя из общих соображений, сложно согласиться с такой оценкой Византии. Это убеждение тем более укрепляется после изучения содержания и генезиса правоспособности Византийских самодержцев, а также установления ее преемственности от римских правовых институтов.